

Иван Глемба Андрей Прохоренко ДЖОКЕР

Предисловие

Судьба любой, особенно талантливой личности, не обходится без критических точек, а иногда и периодов, когда ставкой и призом является само продолжение жизни в том или ином направлении, как возможность проявить себя на выбранном тобой поприще. При этом ты сам, а не кто-то другой решает за тебя где, над чем и как тебе работать. Как часто оказывается, такая возможность и есть иной раз самая большая награда в жизни, поскольку ты в таком случае являешься в какой-то мере ведущим и творцом своей судьбы.

Этот простой факт на самом деле каждому из нас понятен не сразу, поскольку, когда ты, как считаешь, никому не нужен и в тебе нет особой заинтересованности, то ты можешь делать все, что захочешь, или же ничего не делать. Если же ты на пороге или на подходе к изобретениям, которые могут изменить лицо мира и соотношение сил в нем, в таком случае ты становишься мишенью для самых разных сил. И силы эти, во главе которых выступают сильные мира сего, руководствуются

личными интересами и выгодой, желая, чтобы ты, раз можешь и умеешь, работал на них.

Реалии мира, когда талантливый изобретатель и один из директоров компании Джордж Ильин возвращается в США, ставят перед ним ряд выборов. Компания, которую возглавляет Джордж, как оказывается, уже даже не на грани банкротства. Еще несколько месяцев работы и она должна быть продана за долги. Новых поступлений от продажи техники нет, а конкуренты делают все для того, чтобы Джордж, выступающий главным генератором идей и изобретений, ничего не смог сделать, и был вынужден попросту сдаться. Талант Джорджа, его чутье, а еще больше знание конкурентами некоторых подробностей ближайшего будущего, побуждают заинтересованных лиц к решительным действиям.

Джорджу уготована судьба человека, работающего под присмотром на новых хозяев в одном из секретных объектов. Более того, он сам своими действиями способствует похищению. И в данном случае все навыки Джорджа, а также все то, что он знает и умеет, никак не может ему пригодиться, чтобы отстоять себя или сделать что-либо для того, чтобы вырваться из плена. Судьба таланта, как кажется на первый взгляд, предрешена, особенно в мире, где деньги правят бал, а очень большие деньги определяют и закон. В

данном случае винить в том, что ты попал в такую ситуацию, можно только лишь самого себя, поскольку помощи ждать неоткуда.

Правда, есть еще люди, готовые рискнуть всем, в том числе и жизнью, чтобы изменить наметившийся поворот судьбы. Поездка Джорджа на Родину в Украину сводит его с людьми, которые, приглядевшись к нему, видят будущее не только отдельной личности, но и мира через нее. Риск, как говорят, благородное дело, но в случае, когда он оправдан и основан на профессионализме, знании и опыте. Когда же ты большую часть жизни занимался тем, что готовил себя для выполнения специальных заданий, ты понимаешь, насколько опасен и непредсказуем каждый ход, тем более, когда ты выполняешь задание не на Родине, а далеко за ее пределами, несмотря на то, что уже был в здешних краях.

При этом тебе не приказывают и не поручают ответственное дело, а только лишь интересуются тем, возьмешься ли ты за него. И в данном случае все зависит только лишь от тебя и от твоих разумных и осмысленных действий. Ситуация часто знакома тебе до боли. Ты знаешь, к чему могут привести и наверняка приведут твои действия, понимаешь, что любой опрометчивый ход может вообще закрыть возможность содействия интересующему тебя лицу. И от этого знания

только лишь более расчётливы и точны шаги Сармата, который, повинуюсь зову сердца и внутреннему знанию, решается все-таки вмешаться в ситуацию с Джорджем.

Когда же вновь и вновь переплетаются линии жизни и судеб, рождая всякий раз новый узор под названием жизнь, его так и хочется отобразить на бумаге посредством фраз и предложений, чтобы еще раз раскрыть и утвердить силу характеров личностей, их способностей и знаний. Ведь что такое жизнь? В первую очередь возможность проявить и реализовать себя в той или иной сфере деятельности, сделать это так, чтобы усилиться, укрепиться и стать таким, чтобы жизненные коллизии и невзгоды не оставляли на тебе следов в виде шрамов и других повреждений. И в этом на самом деле искусство жить, а не терять себя и не ухудшать свое положение.

Предоставляем слово Джорджу Ильину о событиях, приключившихся с ним, как часто говорят, в самой свободной стране мира по его возвращению из Украины. Отметим, что любые возможные совпадения и сходство с реальными событиями случайны, равно как и все имена персонажей повести вымышлены.

Во Флориде

*Живя в мире
обычной жизнью, ты не
замечаешь, как
постепенно въедаются в
тебя его реалии, как ты
начинаешь, подобно
окружению, смотреть
на мир сквозь призму
телевизора, гаджетов,
интернета, газет и
принятых в мире
представлений.*

*Ты — часть этого
мира, но ты — на самом
деле не ты, поскольку
даже не начинал
создавать себя нового из
того, что имеется в
тебе и у тебя.*

*Когда приходишь к
себе самому и
начинаешь разбираться,
где же на самом деле
ты, делаешь
удивительный и на
первый взгляд странный
вывод: тебя нет,
поскольку большая
часть того, что в тебе,
тобой не осмыслена, не*

понята и не прояснена.

Когда же на пути к себе тебе приходится прояснять эти вопросы, а окружающее, как прежде, не распложено к тебе, поскольку фортуна вдруг повернулась к тебе даже не боком, а спиной, остается только, стиснув зубы, искать выход из сложившегося положения дел. И не факт, что он будет найден.

О как же каждый из нас одинок! Но какое это счастье — в одиночестве мочь сделать то, что необходимо, что ты видишь для себя нужным.

Джордж Ильин. Из дневника

Снова удалось взяться «за перо» только спустя полгода после окончания первой части.

Дела, как обычно, закручивают вновь и вновь с все возрастающей силой, куда-либо деться от них невозможно, к тому же от неотложных... Тем не менее, по утрам мне все-таки удается выкраивать время для того, чтобы поведать в первую очередь самому себе, а потом уже и миру, о том, что же произошло со мной дальше. Иной раз я даже сомневаюсь, что это надо делать, но, как только снова и снова соприкасаюсь с минувшими событиями, отчетливо понимаю: я не ошибаюсь и со все большим усердием продолжаю такую важную для меня работу.

Моя жизнь, как я вижу с высоты прожитых лет, пример того, чего можно достичь последовательной, постоянной и творческой работой, пусть и прерываемой вынужденными паузами. Без них не обходится, как и без недоброжелателей и конкурентов. К ним я за годы привык, как к неизменным спутникам, постоянно сопутствующим мне. Я даже начинал иногда нервничать, когда, как прежде, со мной ничего не случилось и мне давали жить относительно спокойно. С некоторого времени я привык к тому, что против меня не только работали, но и пытались не однажды лишить жизни.

Да, изобретатель и человек, просто увлекающийся самыми разными областями знаний и направлений в работе в моем лице, пришел, и

очень быстро, к выводу, что без того, чтобы научиться постоять за себя, ничего в жизни не будет. Особенно это чувство укоренилось во мне после прибытия на Родину в США. Именно Соединённые Штаты, не буду скрывать, я считал своей Родиной, хотя родом был с Украины. Но после посещения страны, где я был рожден, где продолжительное время до эмиграции жили мои родители, я, чем дальше шло время, несмотря на то, что жил в США, внутри себя осознавал, что именно на Украине мои истоки. Осознание этого простого факта происходит незаметно и понемногу. Оно как бы наблюдает за тобой со стороны, не спешит приближаться.

Чутье истока — на самом деле сложная и одновременно простая вещь. Ее сложно выразить словами, но я попробую кратко это сделать. Есть родство, которое ты, несмотря на забвение, начинаешь осознавать, прикоснувшись к Родине, к людям, которые ее населяют, к их неспешному говорку, к тому, что ускользает, теряясь в дымке Днепра-Славуты, когда ты с днепровских круч смотришь, как несет могучая река свои воды в море. Даже солнце светит на Украине не так, как в Чикаго или в Детройте. Кажется, что оно по-особому ласкает тебя своими лучами, как блудного сына, который вернулся на Родину и теперь оказался в теплых и нежных ладонях матери,

несмотря на все то, что происходит в здешних местах, на необозримых просторах Нэньки, как ее с теплотой называют теперь уже лишь единицы украинцев.

Исток, как говорил Тарас, живет внутри тебя, пока он не умер, пока не разложилась энергия, связывающая тебя незримыми нитями с Родиной. Дым от костра, запах травы, мокрый асфальт, обильно политый летним дождем в лучах солнца, — все это Родина. Это ее нити, видимые и скрытые, которые связывают тебя с ней крепче всяких оков. А еще, со слов Тараса Родина — принадлежность к роду.

Рода на Украине шли еще от давних ариев, которые жили на этих землях тысячи лет назад. С тех пор времена и люди изменились. Забвение и слабость сознания стали уделом потомков. Лишь некоторые из них, я имею в виду Тараса и его ближайших помощников, еще кое-что знают о самих себе и предках. Такие люди не выставляют свое знание на показ и не собираются им делиться. Так что мне очень и очень повезло, что я самым необычным образом оказался возле Тараса и Бати, поскольку только так незаметно для себя можно прикоснуться к тому, что очень важно для меня. Осознание этой важности только лишь крепнет в тебе по мере того, как один за другим проходят годы.

Тарас перед отъездом молчал. Я не хотел ехать. Привык у Бати и у Тараса. Я даже начал подумывать, чтобы переехать обратно жить в здешние места, но понял, что это с моей стороны в сложившихся обстоятельствах слабый ход. Тарас подтвердил мне мою догадку. Щурясь при взгляде на меня, как-то накануне отъезда он сказал: «Езжай, американец, с чистой совестью домой. Ждут тебя дела. К нам ты еще вернёшься. Возможно, что и я тебя снова увижу. Я только ведь жить начинаю».

Тарас усмехался одними глазами. Я смотрел на него, на Батю и Игоря, стоявших в стороне, и никак не мог понять: почему я так привязался к этим людям, хотя не знал вообще ничего об их существовании полгода назад? Я не мог тогда ответить себе на этот вопрос, хотя на самом деле ответ был на поверхности. Оказывается, наиболее сложно найти и увидеть то, что лежит на поверхности. Ты почему-то все время смотришь куда-то не туда, силишься что-то такое да этакое понять, когда на самом деле надо лишь смотреть внутрь себя, осознавая, кто же ты такой на самом деле.

«И кто ты есть?», — частенько вопрошал меня Тарас.

«Человек, личность, изобретатель», — отвечал я, а Тарас только лишь щурился, предлагая мне прийти самому к ответу. И надо отметить, сейчас, к

окончанию жизни, когда мне уже перевалило за восемьдесят, я знаю, что сказать себе в ответ. Честно говоря, я пришел за годы к совершенно иному пониманию того, кто я такой. Выражается мое понимание так: я — мысль, выраженная более плотными энергиями. Мысль, преобразующая и творящая меня нового в каждый конкретный момент существования. И мысль эта исходит из моих же силы и воли. Хотя на самом деле всего, конечно, я не говорю, предлагая предкам и потомкам поразмыслить над своими словами.

Ведь на самом деле нет ничего более важного для каждого из нас, чем самому прийти к пониманию того, кто ты такой и зачем живешь. Неинтересно жить, если заранее раскрыты секреты. Жизнь, как одно из проявлений Существования и Бытия, предоставляет каждому из нас неограниченное поле для деятельности. Этого, в возрасте немногим больше сорока лет, я не знал на момент возвращения из Украины в США. Рейсом самолета я прибыл в Майами, где меня уже ожидали. Встречающие люди сразу же заприметили меня в толпе. Еще минут десять, и я уже стоял возле машины, готовой доставить меня в одну из квартир или загородных домов.

Чарльз, хоть и был рад меня видеть, все-таки выглядел слегка встревоженным, даже помятым, как будто произошло что-то такое, что всерьез

поколебало его позиции и внесло существенные поправки в образ жизни Чарльза — преуспевающего бизнесмена, которым он себя считал. Имидж все, остальные мелочи — не в счет. Я бы приписал некую сумрачность Чарльза чему угодно, но рядом с ним был Майкл. Его лицо также выражало, несмотря на радость встречи, некоторую озабоченность. Значит, сделал я вывод, что-то в нашем доме пошло не так...

— Как дела, Джордж? Мы уже не чаяли тебя увидеть. Все думали, что ты у себя на Родине потерялся. Что вообще с тобой произошло? — Чарльз сразу же полез обниматься, преодолев некоторую задумчивость.

Я снова увидел прежнего неунывающего Чарльза, который, как и прежде, выставил вперёд руку, рассчитывая, что я ударю по ней, мол, все окэй, старина. Оживленность Чарльза прервал Майкл. Вздохнув, он, пожав мне руку и по-отцовски обняв при этом за плечо, уведомил:

— У нас проблемы, но об этом не сейчас. Доберемся до резиденции, там обо всем поговорим.

Я перевёл взгляд с Майкла на Чарльза и, по всей видимости, на нового главу службы безопасности, который стоял чуть в стороне. Мужчина, представший моему взору, был чуть выше Чарльза. Пиджак плохо скрывал мускулистое тело и атлетическую фигуру.

«Как будто только из зала вышел», — мелькнуло у меня в голове.

Чарльз, отследив, что я задержал взгляд на незнакомце, сразу же его представил:

— Это Барни, наш новый начальник службы безопасности. Прежний, как оказалось, работал на конкурентов.

Я перевел взгляд на Майкла. Он кивнул, подтверждая слова Чарльза. Вот только мне этот Барни не понравился. Что-то в нем такое было, сам не знаю, не отталкивающее, а опасное что ли, притаившееся и ждущее своего момента, чтобы проявиться. Зачастую первое впечатление самое верное, хотя и быстро улетучивается, сменяясь новыми впечатлениями и событиями.

— Барни, подойди к нам, — негромко сказал Майкл. — Джордж тебя не знает, как и недавно произошедших событий...

Я пожал руку мужчине в очках, который, впрочем, особой расположенности ко мне не испытывал, держался подчеркнуто официально, соблюдая негласную субординацию. Барни не пытался мне понравиться. Слегка кивнул, не стал спрашивать, как обычно: как дела и выслушивать такое же стандартное — хорошо.

— Тут у нас такие дела, Джо, — сразу же оттер слегка Барни от моего тела Чарльз, вновь завладевая моим вниманием.

— Дядя, — обратился я к Майклу. — Да что случилось?

В ответ давний друг моего отца только жестом показал мне на сиденье машины. Ничего не оставалось делать, как, следуя его предложению, уместиться на заднем сиденье. Водитель сразу же взял курс на пригород Майами, где у нашей фирмы был вполне сносный домик с участком. Но на месте Майкл и Чарльз не захотели посвящать меня во все тайны происходящих событий. Мы перекусили, слегка передохнули, после чего совершили переезд в резиденцию. Дорога вела на север. Где-то чуть меньше часа езды и наш кортеж из трех машин уже въезжал в одно из поместий.

Большой участок земли с несколькими коттеджами и специальными постройками был куплен нашей фирмой несколько лет назад для самых разных дел и нужд. Одно время здесь даже думали развернуть производство, но потом, поразмыслив, отказались от этой идеи. Здесь находился, как бы так выразиться яснее, творческий центр, место встреч и размышлений. Я любил, сам не знаю почему, эти места. Наверное, за то, что в округе все-таки было не так много народа, а природа, вода, лес — все настраивало на мирный лад, способствуя нахождению правильных и таких нужных решений.

Что еще было хорошо в этой «творческой

лаборатории», так это мастерские и небольшие цеха. Коллектив, работающий на месте, был дружный и сплоченный. Помощников у меня было не так много, но зато все из них были не только специалистами своего дела, но и немного «свихнутыми», как и я, на изобретениях. На самом деле мне всегда больше всего нравилось приходить к какому-то изобретению, постепенно прилагая усилия, проясняя ситуацию, видя главное и отсеивая второстепенное. В данном случае я где-то ориентировался на Высокое Возрождение, на одного из его титанов, Микеланджело. Он как-то в ответ на вопрос: как у вас из глыбы мрамора получают такие совершенные скульптуры, говорил: «Я отсекаю все лишнее».

Примерно четыре года до поездки в Украину я работал и творил в здешних местах. Тут я пришел к пониманию того, как вообще можно использовать то, что я знаю и есть под рукой для того, чтобы получить то, что еще не было. На самом деле проблема гравитации и гравитационного режима и частичного его ослабления виделись мне в совершенно ином свете, чем ее видели и решали предшественники. Я бы вообще прошел мимо нее, если бы не сон, приснившийся мне в тридцать два года. Сон этот и стал отправной точкой, побудившей меня заняться этой проблемой.

Во сне я увидел мужчину выше меня почти в

два раза. Он почему-то смотрел на меня и усмехался. Золотоволосый гигант, казалось, что-то такое знал обо мне, о чем я и не догадывался. Одет он был слегка необычно. Плотная и просторная рубаха была перетянута широким поясом, на котором висели какие-то сумочки. Сверху была безрукавка с массой карманчиков. В них располагались не то ключи, не то еще какие-то инструменты. Но что особенно мне запомнилось, гигант держал между указательным пальцем и большим что-то похожее на пальчиковую батарейку.

«Утлия ко маири аунирис», — произнес он, показывая указательным пальцем второй руки на батарейку. — Когда проснешься, ты все поймешь, — так я перевел эту фразу вслед за слушанием вибрации звука во сне.

Еще мое внимание во сне обратил на себя обруч на голове мужчины. По центру лба в обруче находился кристалл, вставленный в круглую золотистую оправу. Вокруг головы мужчины я тогда увидел сияние. Но что было совсем необычным, так это то, что предметы вокруг мужчины летали в воздухе, как будто не было притяжения. Странные инструменты, чем-то похожие на гаечные ключи, какие-то пилки и кусачки слегка покачивались в воздухе возле гиганта, а он принимал это, как само собой

разумеющееся положение дел.

Потом, спрятав предмет, напоминающий пальчиковую батарейку, мужчина показал мне неизвестный кристалл. Что было дальше, я не помнил. Во сне изображение золотоволосого гиганта начало исчезать, а вместо него стала проступать тьма. Внезапно на фоне исчезающего изображения и наступающей тьмы я увидел заостренное и обращенное ко мне лицо мужчины, который, что я точно понял, не питал ко мне особой расположенности. Его глаза светились красным огнем, а рука тянулась в мою сторону. Сухое лицо незнакомца тогда исказила гримаса злобы. Он что-то сказал, но слов я не разобрал. Впрочем, тогда это было и неважно. Все равно ничего доброго его пожелания мне точно не сулили.

Я резко проснулся. Сердце учащенно билось. «Бывает же, что и такое привидится», — подумалось мне. Я снова заснул, но воспринятое мной во сне, перед тем, как вновь погрузиться в дрему, несколько раз прокрутил, чтобы, как я посчитал, не забыть. Подобная практика привела к успеху. Утром я четко помнил не только сон в общем, но и главных действующих персонажей, все то, что произошло со мной.

Мое внимание тогда привлекли и предмет, похожий на батарейку, и инструменты, висевшие рядом с гигантом в воздухе, как будто не было

вовсе никакой гравитации. По природе я вообще был человек увлекающийся. Мне давно не давала покоя мысль о том, что гравитацию и постоянное притяжение Земли можно и нужно поставить себе на службу так, чтобы ими можно было управлять. Что еще, как считал Майкл, было во мне хорошо, я никогда не считал изначально, что чего-то нельзя достичь. Я изучал предмет или явление, но не бросался на любую проблему сразу, предпочитая собрать о ней информацию.

Вообще я был необычным подростком и юношей, а потом молодым человеком. Меня не прельщало то, от чего сверстники были в восторге и чему уделяли огромное количество времени. Я не любил вечеринки, избегал их, предпочитая что-то мастерить, к чему-то приходить, что, не скрою, доставляло мне радость. Я не мог понять, как часами можно играть в компьютерные игры, «висеть» в интернете и заниматься пустопорожними беседами. И если в юношестве подобные убеждения у меня не четко сформировались, то после двадцати пяти лет я уже точно знал, чего хочу, чем мне нужно заниматься и много, а каким увлечениям или времяпрепровождению вообще не стоит уделять внимания.

Сверстники быстро махнули на меня рукой. Погруженный в свои мысли юноша, который часто

хмурил брови, слегка закусывал губу, испытывал стеснение при встречах с женщинами и не разделял виды сверстников на веселое и пустопорожнее проведение времени, вначале раздражал, а потом только лишь злил большинство сверстников. Во мне видели во многом «белую ворону», которая сторонится развлечений, не принимает участия в активном отдыхе и в праздниках, уходит от общения. А раз так, то чего с таким водиться? Даже специальная школа, куда я попал, не избавила меня от подобного отношения. Я принял тогда мир таким, каким он был и каким я видел его, находя для себя удовлетворение в работе, в той деятельности, которая, что бы кто ни говорил, приносила мне наивысшее удовлетворение.

Я не знал, почему для меня дело обстоит таким образом. Одно время я даже думал, что слеплен немного не из того теста, чем остальные, но время и размышление, а еще больше осмысление происходящего расставляют все на свои места. Ты, если хочешь знать ответ, всегда его получишь, надо только поставить вопрос самому себе, своему сознанию. Приходит время, когда ты тем или иным образом получаешь ответ. И приходит он совершенно естественно, я бы даже сказал, что в большинстве случаев непринужденно. Говорю только лишь из собственного опыта. Основываюсь только лишь на нем и на своей интеллектуальной

деятельности. Ведь интеллект надо гранить постоянными усилиями, находя подходы, сопоставляя, анализируя, видя ситуацию в общем и целом, выделяя главное и отсеивая второстепенное. Именно такая деятельность и тренированное особым образом Сознание — залог успеха в любой работе.

Мои странности, тем не менее, сослужили мне добрую службу, поскольку моими изобретениями уже с шестнадцати лет заинтересовались институты. В двадцать четыре года я уже имел группу помощников, которые в чем-то были «свихнутыми» под стать мне. Лучший из них, мой близкий друг Искандер, настоящее имя которого было Джо, радостно встретил меня, когда я прибыл на место. На радостях Джо заключил меня в объятия, подгадав момент, когда я по прибытию прогуливался по дорожкам.

— Жора, — Джо называл меня именно этим именем, — живой и здоровый! А до нас тут слухи дошли, что тебя в плен захватили, что пропал ты в своей Украине. Чарльз думал, что ты вообще не вернёшься. Ходил тут такой сумрачный, все тебя вспоминал.

— Джо, а что у нас тут вообще случилось? Я только приехал, вот, решил прогуляться, а тут ты. Мне ни Чарльз, ни Майкл, ни кто-то еще другой ничего не говорили. Стряслось что? Что это даже

Майкл вздыхает?

Мой друг только лишь вздохнул. Слегка отстранившись от меня, Джо нахмурился.

— Так сразу всего и не скажешь, — подумав, откликнулся он. — Говорят, что документацию по нашим открытиям кто-то передал конкурентам, а они взяли и уже запатентовали вместо нас, за свое выдали. Тяжба идет, но Чарльз понимает, что доказать в суде то, что нас обокрали и наше за свое выдают, маловероятно.

— А когда успели? Меня всего полгода на месте не было.

— Увез ты от нас удачу к себе в Украину, или как там ее? Как только ты уехал, через день все и началось. Чарльз тебе все расскажет подробнее, чем я.

— Как Дуглас, как старина Боб?

— Как? Да помаленьку. Тебя ждали. Уже не чаяли увидеть. Стали все наши изобретения. Застыли, как каменные статуи... Ты, говорят, изобретательство решил оставить?

Джо ожидал ответа. Я вздохнул. Что я мог сказать? Я тогда и сам не знал, чем займусь дальше, как смогу все совмещать. Что тогда я точно знал, так это то, что нельзя мне бросать прошлую деятельность и уходить в свободный поиск. Интуитивно и логически я приходил к такому же выводу, который мне озвучил Тарас накануне

отъезда.

— Не все так, как ты себе думаешь...

Джо широко усмехнулся.

— Я так и знал, что ты изменишь свое намерение. Знаешь, сколько работы и интересной... Мы тут с Кевином и Маком кое-что придумали. Есть идеи. Надо за них только взяться...

— Так чего же вы сами и без меня не начали разработку? Было бы о чем поговорить к моему приезду.

Улыбка на лице Джо каким-то образом сама стухла. Искандер, как мы его называли, умолк и опечалился, а потом все-таки признался:

— Такое дело, понимаешь, кто-то из наших, так Чарлз сказал, на сторону все наши секреты передает. Мы начнем, а информация будет у конкурентов...

— Я что-то не понял. А охрана, а наша служба безопасности? Забор, я вижу, поставили, которого не было.

— Да, заботятся, — вырвалось у Джо. — Ни к речке, ни к лесу, что за территорией, не подойти. А на болота, между прочим, вообще не выйти. Как в лагере особого содержания. Жена жалуется, что ей не дают спокойно ходить. Но я понимаю, новые правила. Усиленный режим проверки. Здесь, по территории, пожалуйста, а за нее не выйти без сопровождения...

— Не понял. Какие основания в введении такого режима? Он мешает работе!

Джо совсем сник, упер взгляд в землю, как будто на утоптанной траве возле дорожки было что-то очень важное и интересное для него, и признался:

— Мэтью исчез.

— Как исчез?

Вид у меня был более чем удивленный, поэтому Джо, когда оторвал взгляд от созерцания газона, поневоле заулыбался.

— Пропал. Они с Саймоном пошли на болота, на наше любимое место. Там, где мы на пикники собирались. Пошли и пропали.

— И Саймон?

В ответ Джо только лишь вздохнул и кивнул.

— Никто не знает, что с ними. Мы переживаем, но что переживать, когда дело сделано?... Мэтью, как ты знаешь, слишком близко подошел к открытию, которое, как он и как ты говорили, может изменить мир. Тут речь идет не о частичной и переменной гравитации и управлении ею. Мэтью как-то оговорился, что знает секрет, как сделать так, что гравитация станет полностью управляемой и не на секунды, а на часы. Джордж, ты представляешь, к чему мы можем в таком случае прийти?

— Он что-то говорил тебе о своих

разработках?

— Нет, — вздохнул Искандер, — ты же знаешь Мэтью. Он сам в себе, как и ты. По работе иной раз из него слова не вытащишь. А ты где задержался? Говорили, что ты в руки к украинской мафии попал. Правда или нет?

— Лишь отчасти, — усмехнулся я, — вспоминая былое.

Джо и себе усмехнулся, глядя на меня.

— Что-то мне подсказывает, что тебе понравилось там, где ты был. Кормили сносно?

— Слегка пригладили битой по голове, — не стал я скрывать от одного из лучших друзей того, что со мной стряслось в Украине.

— Так ты в порядке? — с некоторой опаской в голосе спросил Джо.

— Лучше, чем раньше, — пошутил я и добавил: — Гораздо лучше.

— Я, конечно, всего не знаю, но говорят, что тебя там хотели в плен взять. Это правда?

— Отчасти. Тёмная история. Ее корни отсюда идут, как я вижу. Кто-то следил за мной от момента приезда на Родину. Хорошо, что помогли, как ты говоришь, украинские мафиози.

— Ладно, потом поговорим, — бросил Джо, видя, что в нашу сторону направляется Чарльз.

— Не хочешь при нем?

Джо вместо ответа развернулся и пошел

прочь, слегка поддевая ногой землю, как будто пытаюсь какой-то кусочек пнуть ногой, как футбольный мяч.

Чарльз был тут как тут через минуту. Глядя вслед уходящему Джо, он сразу же поинтересовался:

— Что тебе Искандер наплел?

— Про Мэтью сказал и Саймона. Что вообще происходит?

— Что происходит? Да мы сами не знаем толком, что происходит, — неожиданно резко отреагировал Чарльз. — Ни на кого нельзя положиться. «Раздевают» нас. Акции вниз пошли. Конкуренты принуждают к продаже части заводов. В прессе организована шумиха о том, что наши открытия, видите ли, ничем конкретным не подтверждены, что мы тут сами шпионажем занимается, что вроде как идеи не наши, а компании «Ситалл». К нам от нее иски пришли, какие-то липовые доказательства. Еще у нас забрали документацию по последним открытиям. Мы их не запатентовали вовремя. Это с огромной скоростью сделали наши конкуренты. Мы оказались не у дел. И это только начало, только лишь беглый набросок происходящего за время, пока тебя не было.

Голос у Чарльза, как он ни старался себя сдерживать, дрожал.

— Убытки, Джордж, на десятки миллионов. Если так дальше дело пойдет, то вообще без ничего останемся. Ладно, пойдем, перекусим, потом передохнешь, помоешься с дороги, осмотришься, а к вечеру соберемся и поговорим.

— Давайте сразу обсудим складывающееся положение дел.

— Отдыхай. До вчера, — Чарльз взглянул на небо, — не так и много осталось. К вечеру как раз директора и главные менеджеры подъедут. Тебя ждали. Майкл тебе документацию передаст, пообедаешь, с делами ознакомишься. Я понимаю, что ты не привык вникать в дела фирмы, но придется. Если так дальше дело пойдет, то разоримся через полгода.

Какое-то время мы еще беседовали, а потом пошли на обед. Майкл, как Чарльз и обещал, предоставил мне некоторые документы, а также короткий список событий за мое отсутствие. Майкл был спокойнее Чарльза, но было видно, что и на него происшедшие события повлияли подобающим образом. Как-то он меньше стал, слегка скрючился что ли. Может, конечно, это мне показалось. Давно я не видел Майкла. Старость, несмотря на то, что Майкл ежедневно занимался собой, все больше проступала в виде морщин на его лице. Майкл держался, но все-таки на его челе отображалась явная тревога.

— Джордж, ты в целом посмотри на то, что я тебе предоставил. Чуть больше полугода тебя не было. Взгляд у тебя должен быть свежий. Не вкапывайся пока. Главное, чтобы ты был в курсе того, о чем будет беседа. Ясно?

Я кивнул.

— Раз ясно, то у тебя почти три часа, может, чуть больше.

— Опасность так серьёзна?

— Я не знаю, что тебе ответить. Если дела так дальше пойдут, то наша корпорация прекратит работу через полгода из-за долгов. И ничто нам не поможет, разве что кто-то из «добрых» дядь до этого момента не перекупит нас с потрохами.

Майкл резко повел в сторону головой. Было видно, что он нервничал. Обменявшись еще парой фраз, я расстался с Майклом, после чего часа три с перерывами изучал то, что мне было представлено в папках. Майкл умышленно, как я понял, не предоставлял мне файлов. Я понимал, что вся информация, хранящаяся в базах данных компьютеров, опять-таки, может считываться. Печатный текст я прочитал быстро, а вот с каракулями Майкла мне пришлось повозиться, пока я не разобрал что и к чему.

С другой стороны, от руки Майкл написал самое, на мой взгляд, интересное. К встрече в какой-то мере я подошел на достаточном уровне

подготовленным. Именно она и приоткрыла передо мной всю неприглядность происходящего. И это было, как я потом понял, только лишь первое прикосновение к упрямой действительности.

Ведущие менеджеры и директора, прибывшие к вечеру на встречу, были тревожны. Несмотря на это, меня тепло встретили, даже старались сразу не нагружать, но как только началось совещание, после краткого, но содержательного доклада Стивена Адамсона, ситуация предстала передо мной во всей своей красоте. Стивен не сгущал краски, но и не упрощал ситуацию. Опытный менеджер и директор в одном лице, Стивен бегло, но чётко обрисовал ситуацию. Из его слов стало понятно главное: если в течение двух-трех последующих месяцев не будут приняты меры, то наша корпорация прекратит свое существование, как независимая организация. Более того, нам придется продать все, даже личные дома, чтобы оплатить расходы на зарплату, на суды и другие нужды, которых всегда хватает.

Стивен умолк. Слово взял Майкл.

— Думаю, что нет смысла еще что-то говорить. Все мы с вами знаем, к чему идет дело. Джордж, как я вижу, ты на первый раз достаточно ознакомлен со сложившимся положением дел. Мы на пороге краха. Проблем несколько. Первая из них — не установлен точно источник утечки

информации. Вторая, — Майкл вздохнул, — нас хотят не только разорить, но и лишить всего, всех заработков и денег, а без них в нашем мире даже бомжи не живут. Более того, покровители у наших конкурентов очень могущественные. Я думаю, что не только на уровне конгресса, но и на уровне президента. Я понимаю, что кому-то очень хочется нажать на наших разработках...

Майкл замолчал, обвел взглядом собравшихся.

— Я полагаю, что против нас работают федералы. Ведущие лица из ФБР курируют наших противников. Возможно, это неточные сведения, но, скорее всего, верные. Кто-то из наших противников ранее занимал высокое положение или имеет очень высоких покровителей в этом ведомстве, да и в других... Указание спустить на нас всех собак, по всей видимости, дано сверху. Также дано распоряжение делать это косвенным образом, чтобы не пало подозрения, а главное, чтобы это нельзя было доказать нам. Я не могу ничего сказать для прессы, обвинив федералов или какую-то из их структур в умышленной работе против корпорации. У меня нет доказательств, хотя по почерку, — Майкл тяжело вдохнул, — это не так и трудно определить.

Какое-то время Майкл собирался с мыслями, а я в это время спросил:

— Дядя, — я часто так называл Михаила, подчеркивая этим не только дружественное, но и в некоторой мере родственное отношение, — две проблемы ты назвал. Есть еще?

— Есть. Мне поступило предложение от корпорации «Ситалл» и концерна «Тесла» продать компанию целиком и полностью. И предложение это — больше угроза. У нас всех есть несколько дней для принятия окончательного решения. Если мы соглашаемся, то мы получаем немалые средства, часть которых, впрочем, надо будет в любом случае потратить. Но продавать дело, это, как по мне, — последний ход. Это полная сдача позиций. Если мы продадим акции и предприятия, всю продукцию, все, что имеем, с нами перестанут говорить, как с равными. С другой стороны, сейчас пока еще можно взять неплохие деньги, почти два миллиарда долларов.

— Так мало? — вырвалось у меня. — Я думал, что ты скажешь о двадцати миллиардах, а не о двух. И то это очень мало, это ничто!

— Вижу, тебя задело, — грустно усмехнулся Майкл. — Но через месяц нам не дадут и столько. Предприятие убыточно. Мы, видите ли, не платим налоги, занимаемся чуть ли не недозволенной деятельностью. В общем, доказательства на нас уже собраны. В подлинности их не приходится сомневаться. Что-либо доказать в судах мы не

сможем. Нужны деньги, а кроме этого — поддержка, которой у нас пока нет. Это ясно?

При этом дядя почему-то посмотрел на меня. Остальным, как я понял, его слова были и так понятны.

— Подожди-подожди, а резервный фонд? Там же было почти пять миллиардов? Мы не будем филантропить, не будем заниматься благотворительностью. Мы сократим, в конце концов, расходы на зарплаты и на выплату премий. У нас есть фирменные образцы каров, которые мы хоть сейчас можем продать. Да, их несколько десятков, но возможности, которые открываются при их вождении, стоят того, чтобы за них заплатить и немало... Недавно мы купили землю. Ее можно заложить под залог или продать.

Я замолчал, несколько импульсивно сказав речь, но слова мои, как я видел, не произвели должного впечатления на собравшихся. Некоторые менеджеры и директора уперли взгляд в бумаги, лежащие перед ними на столе, а некоторые, в частности Стэн Дэвис, которому я симпатизировал, отсутствующе глядел во двор. Сквозь прозрачные стены были видны деревья, изгородь, стоящие вдалеке машины, в общем, вся местная благодать. Я почувствовал внезапно, что ситуация гораздо хуже, чем я себе представлял. В это время Стэн перевел взгляд с созерцания местных красот на Майкла. Тот

едва заметно кивнул, разрешая Стэну дать кое-какие пояснения для меня. Стэн как-то даже неторопливо, взглянув на меня, взялся за дело.

— Все, что ты перечислил не может достаточной мерой предупредить крах, который неумолимо приближается. Резервный фонд уже почти полностью потрачен на выплату долгов. С момента, как ты нас покинул, мы больше не занимаемся какой-либо благотворительностью. Ни намека на нее. Экспериментальные кары частично уже проданы. Средства от их продажи поступили на выплату зарплат. Землю мы также начали продавать, но эти меры лишь отодвинут на некоторое время агонию корпорации. Нам не дают кредитов. Мелочь, конечно, до двухсот миллионов, мы можем получить, но свыше полумиллиарда нечего и думать. К нашим словам глухи, как и немые к выдаче кредитов и к беседам, которые, как мне виделось, могли бы убедить кредиторов в нашей надежности. Проблема, Джордж, в том, что принято решение нас разорить. И чем дальше идет время, тем все туже вокруг нас и корпорации затягивается тугая веревка, как галстук, все более сжимающий шею и не дающий дышать.

В подтверждение правоты своих слов Стэн взялся рукой за узел галстука и начал его ослаблять, намереваясь вообще снять эту удавку с шеи, как будто в ней одной было сосредоточено все то зло,

которое мешало ему и нам выпутаться из ситуации и решить назревшие проблемы.

— Таковы дела, Джордж, — вставил Майкл, с некоторой грустью глядя на меня. — То, что ты советуешь делать, я уже во многом реализую. Но мы только лишь получаем некоторую паузу. Если за это время мы не придумаем что-то такое, что может всерьез подействовать нам в укреплении положения, в таком случае корпорация наша имеет возможность пережить трудные времена, хотя я, если честно, на это не слишком надеюсь. Налицо заказ с нами расправиться, а все то, что сделано нашим коллективом, присвоить себе. Что же касается твоих приключений на Родине, то, как мне стало известно, за тебя взялась группа международных корпораций. Концерн «Солнечная сила» заказал тебя, как ведущего разработчика, чтобы ты работал на них. Операцию выполняли, как удалось выяснить, специалисты своего дела, тесно связанные со спецслужбами.

— С нашими?

— А это имеет для тебя существенное значение?

Слова Майкла повисли в воздухе. Я был слегка озадачен. Майкл же продолжил:

— Ты пойми, ситуация резко изменилась. Проблема в том, что ты, как оказалось, был на пороге какого-то важного открытия, которое

должно изменить наш мир. В буквальном смысле изменить. Два-три года, и мы имели бы на Земле принципиально иное положение дел. Об этом стало известно конкурентам, после чего тебя решили похитить.

— Ты знаешь конкретные имена?

— У меня есть догадки и информация, предоставленная Барни и нашим прежним начальником службы безопасности.

— А что с ним стряслось? Почему ты нанял нового?

Майкл вздохнул.

— Джейк попал в переplet. Его ранили. Мне пришлось его заменить.

И тут впервые я почувствовал, что мне не говорят всей правды. Чувство было мимолетным, но я четко отследил, что оно появилось. «Неужели Майкл врет», — мелькнуло в голове.

— А этот Барни, — продолжил я расспросы, — откуда он? Кто тебе его посоветовал взять к нам на работу?

— Барни мне посоветовал Ноул, Максимилиан Ноул, давний друг. Я к нему обратился за советом, когда все наши дела резко пошли вниз. И Барни, надо сказать, быстро вошел в курс дела. Он из спецслужб. У него связи. Нам удалось выяснить некоторые имена и фамилии людей, работающих против нас. Также Барни

предотвратил покушение на Джо и Мэврика. Ночью была перестрелка, но похитителей не удалось догнать. Сели на лодку и были таковы. По всей видимости, у них в здешних местах есть шалаши или еще что-то, что позволяет им скрываться. Поэтому принято решение не разрешать выходить за пределы нашего объекта без сопровождения. Я понимаю, что сотрудники жалуются, но есть меры безопасности, которые надо соблюдать.

— Да что за головоломка? — вырвалось у меня. — До моего отъезда ведь ничего не было! Откуда все это взялось на нашу голову?

— Нас вели давно, — раздался голос Стэна. — Сейчас, как мы понимаем, дело вышло на финишную прямую. Ты, хоть и не хочешь больше разрабатывать свои же изобретения, чем-то очень и очень ценен сразу для нескольких групп. По крайней мере, у нас есть сведения, что за тобой охотятся сразу две организации. Всем ты нужен. Мы думали, что в Украине тебя захватила одна из организаций и удерживает, чтобы взять выкуп или заставить работать на себя, но оказалось, что мы ошибались. К тебе тогда хотели подойти, но сделать это не удалось. Тогда стали ждать, пока ты вернешься. И вот ты здесь. А это значит что? — Стэн обвел взглядом присутствующих. — Лишь то, что сезон охоты на тебя открыт и мы, хочу заметить, мало чем тебе можем помочь. Нет,

конечно, мы предоставим телохранителей, но, Джордж, если тебя хотят пленить, то это сделают. Федералы, давние друзья Майкла, — Стэн бросил взгляд на дядю, — прямо дали понять, что защищать тебя не будут. Есть заказ. Частные охранные фирмы не очень-то и надежны. К тому же у нас нет денег. А раз так, то ты повисаешь в воздухе. Правда, — Стэн усмехнулся, — выход найден, — при этом он многозначительно посмотрел на Майкла.

Дядя после этого взгляда как-то даже расправился и заявил:

— Мы договорились с Барни. У него есть подходящие ребята. Пока ты здесь, на объекте, твою безопасность будут контролировать на уровне. Если же ты куда-то отправишься, то, сам понимаешь, ни за что поручиться нельзя.

— Да, — отозвался Стэн, — и берет Барни за дополнительные услуги немного.

— И какова цена? — поинтересовался я.

— Майкл и Стэн переглянулись, а Чарльз, молчавший до этого, вымолвил наконец:

— Два миллиона за полгода. Как по мне — вполне приемлемо. Мы вполне можем на это пойти.

При этом после этих слов все взоры обратились на меня, как будто руководство компании ожидало от меня что-то такое, что было для него крайне важным.

— Не совсем понимаю, — откликнулся я, — что вы от меня ждете, что так призывно и внимательно смотрите?

— А ты не догадываешься? — спросил за всех Майкл. — Нам нужно что-то такое, такая разработка, внедрение которой может спасти наше уже даже не пошатнувшееся положение.

— Но дядя, ты же знаешь, я не волшебник. Все разработки — результат упорного труда на протяжении даже не лет. Мне понадобилось больше десятилетия...

— Я все понимаю, Жора, — прервал меня Майкл, — но ситуация, как ты видишь, нас поджигает. Я не могу тебе ничего иного предложить. У нас два-три месяца, может, до полугода. Сейчас конец осени. К весне или у нас что-то будет, чтобы продемонстрировать миру и ввести в серию, либо мы пролетим и разоримся окончательно. И это не шутки. Кроме всего прочего тебе надо будет быстро вникнуть в курс дела и, разобравшись, приложить усилия в том направлении, в котором они дадут максимальный эффект в виде денег. Если нет, корпорации не будет, а тебя перехватят. Но проблема в том, что с кем бы ты ни работал, на тебе, сам понимаешь, будут ездить.

— Это в лучшем случае, — заметил Чарльз. — Нас не пугали, а прямо сказали, что тебя

могут устранить физически. Много знаешь. Может пройти смена энергоносителей. Она и так проходит. Нефть и газ теряют былое значение, но что-то должно пройти окончательно, чтобы похоронить эти источники, а значит, и прибыли некоторых лиц. Речь идет даже не о триллионах долларов. Речь идет о принципиально новых условиях жизни на Земле.

— Ты, Джордж, наша надежда, — резюмировал Стэн. — Кто же, если не ты? Я прав?

Нестройный хор голосов подтвердил вывод Стэна.

— Мне нужно подумать, поговорить с товарищами, осмотреться.

— Делай все, что тебе нужно, но помни: у нас нет времени, — уведомил Майкл.

Мы еще долго говорили, а потом был шведский стол, беседы вечером, плавно перешедшие в ночные бдения. Тем не менее, я рано пошел спать. Утром я взялся за решение вопросов, которые, как я начал видеть, не только назрели, а уже перезрели. В последующие дни я окунулся в работу, размышляя попутно над сложившейся ситуацией. Мне пришлось переговорить и не раз и с Джо, и с другими нашими специалистами, моими добрыми знакомыми и друзьями. Если бы не они, во многом не было бы нашей корпорации. Так что осень после приезда в США выдалась для меня

очень даже горячей.

Лишь к началу зимы я вошел в курс дел и ситуации. Больше всего я не хотел потерять корпорацию, прекрасно понимая, чем это для меня чревато. Вот тогда-то я и вспомнил многозначительные взгляды Тараса, которые он время от времени на меня бросал перед отъездом, когда я еще гостил у Бати. Тарас хитрец. Много видел и знал, но молчал, как рыба. С другой стороны, а чего я хотел? Чтобы мне все объясняли и разжевывали?

С Тарасом и Игорем я связался по скайпу через неделю после того, как вернулся. Игорю я вначале предварительно сбросил сообщение о том, что хотел бы поговорить с ним и с Тарасом. Наша беседа произошла в конце ноября. Я подготовился. Купил для этого совершенно новый ноутбук, чтобы исключить возможность какой-то дряни в нем. Правда, как оказалось, даже такие меры ничего не давали. Ведь, что ни говори, работают профессионалы своего дела. Тарас об этом меня предупреждал. Также мы с ним и Игорем условились кое о каких хитростях при беседе. Беседу привожу вкратце. Хотя, не скрою, как только передо мной в ноутбуке появилось лицо Тараса, мне как-то сразу стало легче. Большие и добрые глаза батьки, казалось, смотрели прямо на меня.

— Хэллоу, американец, — почти радостно, изучая при этом мое изображение, точно также бывшее перед ним на экране, начал Тарас. — Как дела? Соскучился по родным местам? Вижу, что смотришь хмуро. Что, проблемы?

Сразу за Тарасом стоял Игорь, видимо, с компьютерщиком.

— Я даже не думал, что такие.

— Что хочешь? Только излагай быстро и кратко.

— Надо бы, чтобы Игорь или кто-то из вас ко мне срочно приехал. Мне нужно человека четыре, чтобы за ситуацией наблюдали и за мной. Я местным секьюрити не доверяю. Что-то в них есть загадочное...

— Быстрый ты, американец, — отозвался Тарас. — Ты, конечно, извини, но раньше весны ничего не будет.

— Бюджет есть. В накладе не останетесь.

— Дело-то хоть стоящее?

— Меня защищать. Обещают похитить.

— Да, Джордж, ты у нас птица ценная. Только, американец, раньше марта, как птицы в наши края потянутся, ничего не будет. А к началу весны жди гостей. Завершаем. Слушают нас. Игорь тебе потом пару слов скажет.

Отказал мне тогда Тарас, и правильно сделал. Меня действительно слушали. Мог я, конечно,

воспользоваться и айфоном, который мне Игорь подарил, но я берег его к важному случаю, «не светил». В общем, не получилось договориться с друзьями. Точно такой же вывод сделали и лица, внимательно следившие за мной, ждавшие нужного момента, чтобы вмешаться в ситуацию.

Честно говоря, я и не предполагал, как в моем случае все далеко зашло. Чем-то я тогда напоминал мышку, которая уже забежала в мышеловку, увидела сыр, приняховалась, чтобы его есть, но не видела окружения и того, что все ее действия, по сути, биты, в каком бы направлении не велись.

Да, я засел за важное, как мне казалось, изобретение. Оно должно было вскоре явить конкретный результат в виде предмета, который можно было продать, быстро запустив его изготовление в серию на имеющихся мощностях. Времени было мало, как и средств. Это меня больше всего и стимулировало к действию. Работал я тогда, как на износ, днями и ночами, забыв советы Тараса. Уж очень хотелось выпутаться из аркана, все туже сжимавшегося вокруг тебя. Кое-что удалось сделать, и очень важное, но это было только лишь начало.

Работать мне не дали, как того требовала ситуация. Впрочем, как я вижу сейчас, просматривая сложившуюся ситуацию с высоты прожитой жизни, по-иному и быть не могло. Зима

ознаменовала собой новый этап в моей жизни, так сказать, встречу с неизведанным мною и с упрямыми обстоятельствами, которые почему-то были все против меня. Я делал такой вывод на основании складывающихся событий, не понимая одной простой вещи: я, такой, каким был тогда и дело, которое я делал, не могли не родить вокруг меня чего-то другого. Слишком высока была цена изобретений. Я не понимал даже и близко, насколько. С другой стороны, видение, как и понимание, не приходят сразу. Ты не отдаешь себе отчет в происходящем, тебя даже радуют извилистые закоулки судьбы, когда ты начинаешь в них путаться и блуждать, а еще круче — иной раз из них выходить с небольшими потерями.

И как тут не вспомнить изречение о том, чем очень умный отличается от умного. Только лишь тем, что очень умный вообще не попадает в ситуации, из которых умный с честью выходит. В моем случае поначалу были только лишь потери, пусть и не критичные. По-другому и не могло быть. Очень скоро я убедился, насколько удивительны и непредсказуемы изгибы судьбы. Я даже пожалел, что стал изобретателем и не освоил в своей жизни много такого, что позволяет в ней себя чувствовать в любой ситуации могущим справиться с вызовами.

Первая глава позади. С силой и внутренней усмешкой, глядя на себя в молодости, приступаю к

следующей.

Незаманчивое предложение

Трудности, как часто говорят, закаляют тебя, но при условии, что ты находишь в себе силы и способности для того, чтобы справиться с ударами судьбы. В противном случае трудности только лишь еще больше усугубляют твое положение, особенно, когда ты не готов правильно распределять усилия и смотреть вперед и на будущее, к чему приведет твое излишнее усердие.

В моем случае я был слишком заиклен на себе, чтобы даже пытаться видеть ситуацию в целом, предугадывать ходы моих противников и, что

главное, *должным образом отвечать на них, проводя те или иные решения и совершая своевременные действия.*

С другой стороны, когда ты играешь роль такого мальчика для битья и почти терпилы, не способного предугадать действия противника, не говоря уже о том, чтобы адекватно на них ответить, у твоих врагов создается иллюзия твоей беззащитности и неспособности каким-то образом выпутаться из все более ухудшающихся обстоятельств.

Вопрос лишь в том, сможешь ли ты воспользоваться этой слабостью противника в нужный момент сам или с чьей-то помощью.

*Джордж Ильин. Из
дневника*

Места, в которых я творил и изобретал, как мне видится, требуют сказать о них несколько слов. После двадцати лет жизни, когда я стал более самостоятельным, я объездил всю территорию Соединённых Штатов. Не знаю почему, но меня тянуло к путешествиям. Скажем так, были у меня увлечения, которые, впрочем, через некоторое время существенно помогли мне не только в становлении, как личности, но и во многих других направлениях деятельности. Так что даже в этом деле я не потерял напрасно время.

Первое мое посещение Флориды, я жил, как приехал в США, первоначально в Чикаго, добавило мне впечатлений. Сам не знаю как, я познакомился с местным жителем, который был любителем природы и заодно ее хранителем. Тогда в заповедниках были егеря, а возле них жили просто заинтересованные лица, увлеченные своим делом, которые помогали егерям и заботились, как могли и понимали, о природе. С одним из таких неформалов, неким Терри Джонсом, я и завел знакомство.

Был я любознательный. Меня интересовало все и даже больше, чем все. С фотоаппаратом на груди я ходил и снимал достопримечательности,